

НАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1916 г. был самым кровопролитным на белорусских землях за два с половиной года противостояния тут враждующих сторон. В этот год дислоцировавшимися здесь войсками Западного фронта русской армии был предпринят ряд наступательных операций с целью прорыва участка австро-германского фронта. Первой из них явилась Нарочская операция в марте 1916 г.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г. в Шантальи, в Ставке французского главного командования, провело межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Союзники не ставили задачей достижение определенных целей. Было лишь выражено согласие о взаимной поддержке той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза. Совместные действия союзных сил в виде общего наступления должны были начаться весной 1916 г., когда климатические условия позволили бы наступать на русском фронте.

Германцы упредили расчеты союзников по Антанте и во многом спутали их планы, начав 21 февраля 1916 г. наступление для прорыва фронта у Вердена. Первоначальные успехи немцев под Верденом сильно обеспокоили французское командование, а с потерей 25 февраля форта и селения Дуомон положение французских войск под Верденом стало критическим. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке генерал По передал начальнику штаба Верховного главно-

командующего генералу М. В. Алексееву письмо от Верховного командования французской армии, в котором от русских требовалось перейти в наступление, перевести часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армии 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами. На нем было принято решение о проведении военной операции силами Западного и Северного фронтов путем нанесения главного удара на стыке этих фронтов (район озер Вишневское – Нарочь – г. Поставы) для отвлечения германских сил с французского фронта, а в случае успеха – для дальнейшего развития наступления до полного вытеснения германских войск за границу Российской империи. Выбор места для нанесения главного удара объяснялся превосходством тут сил над противником и наиболее выгодной конфигурацией фронта.

Участок местности, на котором планировалось наступление русских войск, ограничивался с севера многочисленной группой озер – Эйсита, Дрингис, Дисна, Дривяты, Перебродье и др.; с юга – линией населенных пунктов Ошмяны, Вилейка, Долгиново; с запада – линией озер Лакай, Освие и г. Ошмяны.

Отметим, что первоначально инициатива проведения данной операции исходила от Главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, который еще 4 и 13 января 1916 г. предлагал Ставке Верховного главнокомандующего нанести удар, пока еще водоемы скованы льдом [1, с. 9]. Однако согласование со Ставкой, сбор ударной группировки, снабжение необходимыми военными средствами затянулись. Обращение французов заставило Ставку Верховного главнокомандования форсировать события, и 3 марта ею была поставлена 2-й армии конкретная боевая задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими 18 марта в решительное наступление с целью разгромить противника, находящегося перед фронтом, затем наступать дальше, чтобы прочно утвердиться на линии Свенцяны – Михалишки – Гервяты. Вспомогательный удар предписывалось нанести силами соседней справа 1-й армии. Остальные армии Западного фронта должны были сковывать действия противника перед собой, а при успехе 2-й армии перейти в общее наступление, с целью достижения линии Вилькомир – Вильно – Делятичи.

Операция получила название «Нарочской» и подготавливалась в спешном порядке. Был значительно увеличен боевой состав 2-й армии, который к моменту наступления насчитывал более 400 тыс. штыков и сабель. На вооружении войск имелись значительные наступательные средства: 605 легких артиллерийских орудий и 168 тяжелых, а также переданные в ходе операции на усиление армии 114 орудий тяжелых дивизионов, что обеспечивало перевес над противником в тяжелой артиллерии почти в два раза. В два раза перевес сил над германцами был в саблях и почти в пять раз в штыках [1, с. 27, 37]. Однако в снарядах для тяжелой артиллерии ощущался острый недостаток.

К началу операции, 27 февраля, заболел командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов. Проведение операции было поручено командующему 4-й армией генералу А. Ф. Рагозе. Прибыв в Будслав, где находился штаб 2-й армии, перед наступательной операцией, он не был знаком ни с войсками, оказавшимися в его подчинении, ни с районом предстоящих боевых действий, ни со штабом, с которым он должен был руководить прорывом сильно укрепленного фронта. Первым его решением по организации боевой операции было создание из войск, входивших в состав 2-ой армии (по его мнению для лучшего управления), трех армейских групп, две из которых заняли позиции на флангах. На правом фланге, к северу от оз. Нарочь, 20 км позиции занимала группа, возглавляемая генералом М. М. Плешковым, в составе 1-го Сибирского, 1-го и 27-го армейских и 7-го Кавалерийского корпусов общей численностью 91 499 штыков и 1 697 сабель. На вооружении группы было 144 легких и 116 тяжелых артиллерийских орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4 660 бойцов и 13 орудий.

На левом фланге, к югу от оз. Нарочь, на 22 км позиции разместились группа во главе с генералом П. С. Балухевым, в составе 5-го и 36-го армейских и 3-го Сибирского корпусов и Уральской казачьей дивизии общей численностью 94 111 штыков и 1 543 сабель. На вооружении имелось 153 легких и 66 тяжелых артиллерийских орудий. В среднем на 1 км занимаемого фронта приходилось 4 802 бойца и 10 орудий.

Центральный, в 15 км (исключая озеро), участок линии занимала группа, возглавляемая генералом Л. О. Сирелиусом, в составе 34-го армейского и 4-го Сибирского корпусов, общей численностью 65 229 штыков и 1 092 сабли. На вооружении имелось 101 легкое и 12 тяжелых орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4 421 боец и 7,5 орудий.

Следовательно, войска и артиллерия 2-ой армии были рассредоточены по фронту почти равномерно. Не было создано ударного «кулака», как это предписывалось директивой Ставки.

На рассвете 18 марта грохот сотен артиллерийских орудий возвестил о начале артиллерийской подготовки. Особенно сильным был огонь на участке Северной группы. Ее 1-му Сибирскому корпусу было приказано прорвать фронт на участке Бучелишки – Лапинский лес и наступать в направлении Камай – Можейки – Неверишки – Ольса. Однако из-за слабости калибра орудий и мерзлого грунта артиллерийский огонь оказался малоэффективным: проволочные заграждения остались целыми, блиндажи и пулеметные гнезда не были разрушены, артиллерийский огонь не был подавлен. Как только в середине дня войска стремительно бросились в атаку, они были встречены мощным перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем германцев, понесли большие потери. Только на отдельных участках ими были преодолены проволочные заграждения и заняты окопы противника, но они были выбиты сильным фланговым огнем. К концу дня войска вынуждены были отойти на первоначальные позиции. На исходе дня противник подтянул силы и делал попытки контратак.

Тремя часами позже Северной группы перешли в наступление войска Южной группы из исходного положения Занарочь – Лядо – р. Нарочь в направлении Проходы – Проньки – Баранов Рог – Бараны – Михалишки – Нестанишки – Сыроватки. Однако, не имея надлежащей подготовки и поддержки со стороны артиллерии, они понесли большие потери от артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и к концу дня отошли на исходные позиции.

На центральном участке фронта армии, занимаемом группой генерала Сирелиуса, активных боевых действий не было. С самого начала наступательной операции русских войск немцы заметили пассивную роль войск группы генерала Сирелиуса и активно воспользовались этим. Они снимали свои войска с этого участка фронта и оперативно перебрасывали их на угрожаемые участки в ходе наступательных действий Северной и Южной групп.

Таким образом, в первый день проведения операции наступающие войска ни в одном пункте на фронте 2-й армии не овладели укреплениями противника настолько, чтобы удержать их. Потери же в этот день были значительны: 183 офицера и свыше 15 тыс. солдат – убиты и ранены.

В последующие дни атаки русских войск повторялись, но в основном также были безуспешны. Вот как об этом сообщал командующий 2-ой армией генерал А. Ф. Рагоза в телеграмме Главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту: «За первые дни боев на фронте армии выяснилось, что для овладения укреплениями противника, по причине их мощности, мерзлого грунта, фланговых уступов, сильных блиндированных блокгаузов и умелого размещения многочисленных заграждений... приходится прилагать огромные усилия. Атака 5-го корпуса в районе д. Занарочь была встречена газами, которые были выпущены из баллонов, местами же противник бросает химические снаряды, что также является трудностью для войск при наступлении». Отмечая действия артиллерии, генерал Рагоза сообщал, что «затрудняется стрельба, особенно корректировка, из-за постоянных туманов, которые держатся в этой местности целыми днями. В полевых снарядах недостатка нет, но тяжелых, как показывает практика, мало. Между тем, от них в значительной мере зависит более быстрый и полный успех. Увеличения числа тяжелых снарядов просят поголовно все начальники и к их просьбе нельзя не присоединиться» [2, л. 86].

Военным действиям не благоприятствовали и климатические условия. Уже на второй день пошел дождь, а на третий, как отмечалось в войсковых сводках, «тающий снег затоплял окопы, болота становились местами уже не проходимыми, лед в ручьях трескался, наступающие проваливались в полыньи по пояс». Кроме того, сутками стоял густой туман, который осложнял действия артиллерии.

Несмотря на все это, 20 марта из Минска прозвучал угрожающий окрик Главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта в адрес командующего 2-й армией генерала Рагозы: «Потребовать от начальников групп и командиров корпусов надлежащего управления войсками. Приказываю

проявить энергию и дисциплину во всех действиях... что бы там ни было разбить и отбросить противника, потому что наступившая оттепель осложнит наше наступление» [2, л. 106].

В свою очередь генерал Рагоза срочно телеграфировал командирам корпусов, которые входили в его армию: «Развивать достигнутый успех. Продолжать выполнение поставленных задач». Одновременно он предупредил об экономном расходовании боевых сил и средств, на скорое получение помощи просил не рассчитывать.

Между тем войска и в этих сложных условиях делали попытки продолжать наступательные действия. 21 марта Северная группа войск генерала Плешкова в ходе наступления захватила первую линию окопов противника, но сильным огнем врага была выбита и с большими потерями отошла к рубежу Лесные Муляры. Солдаты и офицеры действовали безукоризненно и самоотверженно, делали все возможное и невозможное. С презрением относились к смерти. Под мощным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника они лавиной шли на его неразрушенные проволочные заграждения и, жертвуя жизнью, стремились преодолеть их. Об этом, например, свидетельствует следующий факт: только на участке прорыва вражеского фронта частями 22-й пехотной дивизии похоронной командой было снято с проволочных заграждений 5 тыс. трупов. Говоря о массовой отваге воинов, следует отметить патриотический подвиг самопожертвования 17-летней девушки Евгении Воронцовой, которая добровольно прибыла из подмосковного Голутвина в 3-й Сибирский полк 1-й Сибирской дивизии 17 февраля 1916 г. Командование, принимая во внимание возраст девушки, зачислило ее в команду связи. Но в день наступления полка она категорично заявила о своем желании принять участие в атаке и отправилась в 5-ю роту. На рассвете 21 марта по приказу командира корпуса 3-й Сибирский полк в составе 1-й Сибирской дивизии пошел в атаку. Наступавшие сразу были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника, несли большие потери. Достигнув проволочных заграждений, стрелки остановились. Воронцова первая нашла проход в проволочных заграждениях и, как отмечено в журнале военных действий 3-го Сибирского полка, с криком «Братцы, вперед!» устремила к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мертвой, сраженная вражеской пулей» [1, с. 115].

Войска Южной группы генерала Балуева в тот же день, пустив в противника 7 тыс. химических снарядов, перешли в наступление и захватили 2, а в отдельных местах 3 линии окопов на фронте оз. Нарочь – Августово. Однако, по причине отсутствия своевременной поддержки резервами, под сильным огнем противника вынуждены были отступить.

К 22 марта дороги на болотистых участках стали полностью непроходимыми. Ведение боевых действий не только с каждым днем, но и с каждым часом становилось все менее возможным. Однако попытки атаки продолжались. 22 марта перешли в наступление войска Северного фронта,

войска Западного фронта должны были их поддержать. 23 марта войскам 2-й армии было приказано вновь продолжать атаки с целью прорыва фронта противника.

Северной группе войск была поставлена задача прорвать германский фронт на участке Вилейты – Бучелишки. Но силы войск были исчерпаны, их наступательный порыв снизился. По причине неготовности войск Северной группы их атака дважды откладывалась. В битве, которая началась 26 марта, из-за больших потерь в предшествующих боях, приняли участие не все корпуса. Соединения, которые начали наступать, захватили первую (местами вторую) линии окопов противника, но не получили поддержки со стороны артиллерии, т.к. не имелось снарядов, и в разгар боевых действий 12 пушек тяжёлой артиллерии, 20 легкой и часть гаубиц вынуждены были бездействовать.

Отметим, что в наступательных действиях войск Северной группы принимала участие сформированная в Бобруйске в дни мобилизации 1914 г. 76-я пехотная дивизия, входившая в состав 27-го армейского корпуса. В начале операции дивизия находилась в групповом резерве и располагалась в районе деревень Перевозники, Юньки. Затем, в соответствии с распоряжением командующего Северной группой генерала М. М. Плешкова, 19 марта была передвинута в район пунктов Озерки, Костени, т.е. ближе к боевой линии. Утром 20 марта, в момент атаки 22-й пехотной дивизии, для ее поддержки была направлена бригада 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков. Однако по вине командира своевременная помощь 22-й пехотной дивизии бригадой не была оказана.

20 марта части 27-го армейского корпуса заняли позиции в образовавшемся разрыве между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами. В соответствии с приказом командующего Северной группой об очередной атаке войск, 21 марта части корпуса должны были наступать на противника на участке от Микулишек до Бучелишек. Однако из трех бригад 27-го корпуса наступать были назначены только 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии. Остальные части были эшелонированы в глубокий тыл, составляя дивизионный и корпусный резервы. В начале наступления полков шло успешно: 302-й полк захватил сторожевое охранение противника у Бучелишек, но дальше продвинуться не смог, так как был обстрелян сильным фронтальным огнем противника со стороны Бучелишек и фланговым – от Целины. За 302-м Суражским полком остановился и 301-й Бобруйский полк. Затем полки были обстреляны мощным артиллерийским огнем, не выдержали и вернулись в исходное положение. Поддержка со стороны 2-й бригады 76-й пехотной дивизии была слабой и несвоевременной [1, с. 113]. Сказывалось неудовлетворительное управление войсками командира корпуса генерала Баланина. Последнее наступление частей 76-й пехотной дивизии состоялось (в соответствии с приказом генерала Плешкова) в 4 часа 26 марта. К 4 час. 30 мин. 301-й Бобруйский и 304-й Новгород – Северский пехотные полки заняли первую

линию германских окопов. Левофланговый 302-й Суражский полк прошел первую и наступил на вторую линию окопов. Однако на атаке этой линии оказался открытым левый фланг полка, так как наступление частей соседнего 1-го Сибирского корпуса запаздывало. 302-й полк понес огромные потери и вынужден был отступить. Это задержало продвижение 301-го и 304-го полков. Поддержки не поступило. 76-я дивизия не выдержала сосредоточенного артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и, разбитая, отступила. Наступление 27-го корпуса закончилось. Огромные потери понесли и соседние войска 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов. Под сильным огнем врага войска отошли на исходные позиции. На этом боевые действия Северной группы войск в Нарочской операции были окончены. Ее обескровленные корпуса были отведены в тыл, сама группа была расформирована.

Боевые действия Южной группы генерала Балужева продолжались. К этому времени на участке фронта против нее командованием германской 10-й армии были сконцентрированы внушительные силы. Сначала атака намечалась на день 30 марта, но из-за густого тумана она была перенесена на утро 31 марта. В этот день атакующие встретили упорное сопротивление германцев. Не достигнув линии окопов, русские части легли под сильным огнем врага. Наступление завершилось.

Верховное командование, видя крах операции, вынуждено было 29 марта отдать директиву «временно приостановить выполнение операции в определенных ранее размерах до улучшения местных условий».

30 марта Главнокомандующий Западным фронтом в приказе войскам, признав, что «начатая 18 марта атака неприятельских позиций в районе 2-ой армии до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в полном объеме», приказал «прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневецкое продолжать начатую операцию с целью овладения пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района» [3, л. 97, 118].

Таким образом, начатая 18 марта 1916 г. Нарочская операция была прекращена. Операция, стартовавшая в не совсем благоприятный момент (наступающая весна) и в не подходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустарниками и лесами), с самого начала была обречена на неудачу. Кроме того, поспешность начала операции проявилась в необеспеченности войск боевыми средствами. В течение операции ощущалась острая нехватка снарядов для тяжелой артиллерии, около 24 тыс. солдат не были вооружены даже винтовками, поскольку их было недостаточно, не хватало шанцевого инструмента.

Все эти сложности и недостатки, наряду с плохим управлением войсками, стоили русским огромных жертв. За две недели наступления людские потери 2-й армии составили 1 018 офицеров и 77 427 солдат [1, с. 159] – почти одну четвертую личного состава армии к началу Нарочской операции. Кроме того, были понесены и большие материальные утраты.

Потери русских войск несопоставимы с захваченными ими в ходе операции «трофеями» – около 1 200 пленных, 15 пулеметов и несколько сот винтовок. Также русские, освободив от противника 10 кв. км территории на одном участке, уступили его войскам 70 кв. км, хоть и болотистой, непригодной для боевых действий, но своей, российской земли в другом месте.

Существенным недостатком для русских войск в Нарочской операции стало падение их морально-боевого духа. Солдаты, которые претерпели трудности и невзгоды наступательных боевых действий, были свидетелями бессмысленной гибели множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленной необеспеченностью наступавших частей боевыми средствами, бесполезностью распоряжений и приказов высшего командования, скрыто высказывали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, что неоднократно отмечала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор писал о письмах, в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на огромное количество у противника пулеметов и артиллерии, на значительность наших потерь». В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав встречались выражения недовольства плохим управлением тут боем, а также намеки на некое будто имевшее тут место предательство». В дополнение своего сообщения цензор отмечал, что «иногда в письмах встречаются указания «теперь о многом писать нельзя» и заключал, что «наблюдение за перепиской не дает вполне верного понятия о духовном состоянии армии, и что в эти наблюдения требовалось бы внести некоторую поправку в сторону понижения морально-боевого духа» [3, л. 118].

Необходимо отметить, что германское командование с самого начала операции было серьезно встревожено активностью русских войск на участке фронта 21-го армейского корпуса. Для его поддержки были срочно направлены два армейских корпуса из резерва Восточного фронта. Более того, во время операции германское командование вынуждено было перебрасывать сюда дополнительные подкрепления. Уже 21 марта в одной из телеграмм штаба соседней 10-й армии, по сведениям войсковой разведки, отмечались «некоторое усиление противника в районе Крево, особенно у госп. Двора Мысса, и повышенная бдительность противника на фронте Спяглица – мест. Вишнево. Наблюдением с аэростата 7 (20. – М. С.) марта обнаружено усиленное движение поездов в обе стороны на участке Гауц – Солы». Кроме того, войсковой разведкой и по показаниям взятых в плен немцев было установлено «усиление противника в районе Годутишки переброской туда всей 107-й дивизии и в районе к югу от озера Нарочь подтягиванием туда бригады

80-й резервной дивизии. Предполагалось также передвижение еще одной дивизии, кроме 107-й, с Северного фронта на Полоцкое направление» [2, л. 85]. За две недели боевых действий, несмотря на потерю 20 тыс. солдат и офицеров, силы немцев, сконцентрированные против 2-й армии русского Западного фронта, выросли на 30 тыс. штыков. Сюда же были дополнительно переброшены 150 легких и 82 тяжелых артиллерийских орудия, свыше 200 пулеметов и прочие боевые средства. Начальник штаба германского Восточного фронта, генерал Э. Людендорф писал позже в своих мемуарах о Нарочской операции русских и о положении германских войск на этом участке фронта в дни ее проведения: «План был, несомненно, широко задуман. Расчленение нашей армии должно было начаться с двойного прорыва фронта, как бы вырезающего часть его – между озерным перешейком и линией Поставы – Свенцяны. Этот участок был достаточно широк и удачно выбран, и наших резервов не хватило бы на заполнение такого прорыва, да и доставлялись они к озеру Нарочь с большим трудом... Если бы прорыв удался, то в последствиях его сомневаться было нельзя, дорога на Ковно была бы свободной...

От 18 до 21 марта положение 10-й армии оставалось критическим, а численное превосходство русских подавляющим. 21-го неприятель имел очень болезненный для нас успех на озерном перешейке, а к западу от Постав мы лишь с большим трудом выдержали его атаку... Подкрепления, спешно отправленные 10-й армией и нами, начиная от железной дороги Вильно – Двинск, медленно и с трудом продвигались в болотах. Все мы с огромным напряжением ожидали исхода, но русские уже изнемогали, наступая в более тяжелых условиях, чем те, в которых находился наш фронт и тыл, и 26-го в момент нового усиления русского натиска мы могли уже считать, что кризис миновал благополучно» [4, с. 266–267].

Таким образом, Нарочская операция дорого стоила русским, но ее проведением они спасали французов от разгрома и, возможно, уберегли Париж от захвата немцами весной 1916 г. Германцы вынуждены были прекратить атаки на французском фронте у Вердена с 22 по 30 марта, в дни Нарочской операции. Это позволило французскому командованию на автомобилях перебросить в необходимые места значительные подкрепления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подорожный, Н. Е.* Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н. Е. Подорожный. – М., 1938. – 94 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 292.
3. РГВИА. – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 1486.
4. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о мировой войне / Э. Людендорф. – СПб., 1924. – 726 с.